

Дарья Сергеевна Кунильская

*магистр первого года обучения филологического факультета,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, пр. Ленина, 33, Российская Федерация)
dkunilskaya@yandex.ru*

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ» ВИЗАНТИЗМ В РОМАНЕ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА «ОДИССЕЙ ПОЛИХРОНИАДЕС»*

Аннотация: В данной статье исследуется византийский цитатный план в романе К. Н. Леонтьева «Одиссей Полихрониадес». Отмечается, что этот роман признавался автором как лучшее художественное произведение из всех написанных. Византийское влияние выявляется с помощью анализа афонского уставного чтения, в том числе типикона Свято-Пантелеймонова монастыря, где К. Н. Леонтьев провел полтора года. Подчеркивается, что писатель перенес некоторые афонские реалии в текст романа. Особое внимание уделяется теме цикличности в романе, которая отличается от традиционных христианских представлений о линейном времени. Помимо уставного чтения, предметом литературоведческого анализа выступает реминисценция и цитата, связанные, соответственно, с именами св. Иоанна Златоуста и св. Исаака Сирина. В заключении статьи делается вывод о том, что роман «Одиссей Полихрониадес» реализует в художественном плане идеи будущего учения К. Леонтьева о Новой Восточной культуре. Византийский цитатный план помогает раскрыть механизм воплощения идей в художественном пространстве романа

Ключевые слова: К. Леонтьев, «Одиссей Полихрониадес», византизм, Афон

Византизм в творчестве К. Н. Леонтьева на данный момент относится к наиболее разработанным темам в наследии мыслителя. Вместе с тем, несмотря на актуальность вопроса, концепция византизма вычленяется, в основном, из публицистики писателя, часто без оглядки на источники. Значительными для исследователей оказываются высказывания Леонтьева о византизме¹. Именно на этом фундаменте выстраивается модель византийской симфонии писателя. Важный аспект изучения творчества К. Леонтьева связан с исследованием византийских источников.

В 1871 г. К. Н. Леонтьев после пережитого духовного кризиса отправляется на Афон, где проводит весь последующий год. Итогом пребывания на Афоне становятся статья «Визан-

тизм и славянство», а также роман «Одиссей Полихрониадес». По мнению самого Леонтьева, именно эти два произведения являлись главными в его творческой биографии:

Я две самые лучшие свои вещи, роман и не-роман («Одиссея» и «Византизм и славянство»), написал после 1 ½ года общения с афонскими монахами, чтения ранних аскетических писателей и жесточайшей плотской и духовной борьбы с самим собою [цит. по: 2, 70].

Роман «Одиссей Полихрониадес» рассказывает о жизни, точнее об одном годе из жизни, загорского грека Одиссея Полихрониадеса, его постепенном взрослении. О. Л. Фетисенко отмечает особый колорит, благочестивую атмосферу, которая царит на страницах романа: «В романе все — впервые так явно у Леонтьева — пронизано мыслью о Промысле Божиим. Появляются ссылки на Святых Отцов (мир, открывшийся Леонтьеву на Афоне), евангельские цитаты и реминисценции. Описываются церковные службы...» [9, 104].

Действительно, строгость и благочестие преобладают во всех бытовых сторонах жизни загорских греков. В начале романа Одиссей рассказывает о типичной судьбе греков из Загор: юноши рано женятся, затем уезжают устраивать дела в большие торговые города и наведываются в свои края лишь время от времени

На Афоне К. Н. Леонтьев живет в Свято-Пантелеимоновом монастыре, отличающемся особой строгостью в соблюдении устава и типикона:

...порядок (богослужения. — Д. К.) у русских на Афоне образцовый, такого я не видел ни в московских соборах, ни в Оптиной пустыни, ни тем более у греков и болгар... (VII(1), 383)².

Связь с Византией усиливается афонским уставом Свято-Пантелеимонова монастыря³. М. С. Желтов, один из авторов фундаментальной «Православной энциклопедии», сообщает, что в основе устава «Руссика» были положены дионисиатские уставы 1624 и 1638 гг., а также филофеевский Типикон 1813 г. В основе этих соборных типиконов находится древний Иерусалимский устав, по которому совершались богослужения в византийских храмах⁴.

Леонтьев переносит в роман благочестивую атмосферу храма. По мысли писателя,

...форма вообще есть выражение идеи, заключенной в материи (содержании) <...> *Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбежаться* (VII, 382—383).

Греция, современная Леонтьеву, вбирает в себя черты византийского времени и пространства. Или, если выразиться языком М. М. Бахтина, автор закрепляет свое видение «времени в пространстве» [1, 210]. Так, главный герой юноша Одиссей Полихрониадес не ощущает архаичности византийского времени. Детство для него овеяно теплыми воспоминаниями о чтении молитвы Антиоха Пандекта в Церкви. Приход русских войск в 1829 г., а также появление русского консула Александра Благова совпадают в его памяти с богослужениями на Крещение и Пасху. Переживания за поцелуй с турчанкой Зельхой вызывают ассоциации со Стихирой св. Андрея Критского на Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи. И даже осуждение русского консула в конце романа выражено словами Исаака Сирина. Для Одиссея след прошлого в настоящем, как писал М. М. Бахтин, является «существенным и живым» [1, 212].

Теперь рассмотрим, как именно реализуется в романе литературный «византизм» К. Леонтьева. Одиссей воплощает в себе идеал благочестия. Юный загорец, учась в школе, служит при церкви. Он анагност, чтец. Сам Одиссей вспоминает в письме к другу:

Особенно любил Великим Постом читать громко с выражением и чувством последнюю молитву повечерия, молитву ко Христу, Антиоха Пандекта... «И дай нам, о Бог наш, ум добрый, целомудренные мысли, трезвое сердце и легкий сон, свободный от лживой фантазии» (IV, 43).

Вечерняя молитва Антиоха Пандекта входит в чин повечерия, которое завершает суточный круг. В Часослове Афоно-Пантелеймоновской библиотеки XII—XIII вв. эта молитва уже фиксируется в «последовании ночных часов», а именно в чине повечерия.

Е. П. Диаковский, автор исторического обзора последования часов, подтверждает, что именно с этого времени вечерняя молитва входит в состав «великого мефимона» [3, 167—168]. Впоследствии великий и малый мефимоны преобразуются в чин повечерия.

Укрощение сладострастия, утоление восстания плоти, усыпление вещественного земного мудрствования, дарование бодрого ума, сердца трезвящегося, сна легкого, утверждения в заповедях Творца — вот о чем просит Господа молодой человек. Все искушения, которые будет преодолевать Одиссей, как бы предвосхищаются этой молитвой.

Отец Одиссея с воодушевлением отзывается об участии сына в «церковной диаконии и псалмопении»,

...ибо и в Древней Византии дети и юноши, сыновья сенаторов и иных великих архонтов, считали за честь и удовольствие быть чтецами в Божиих храмах! [4, 43].

Ретроспектива образа анагноста укоренена в византийско-греческой традиции, ясной и понятной для грека, современного Леонтьеву.

Молодой Одиссей со всей серьезностью относится к сохранению девства до брака. Ужасаясь кощунственным взглядам идеального для него русского консула Благова в отношении Священного Таинства брака, Одиссей мечтает, как

...над ничем дотоле не оскверненным ни с той ни с другой стороны ложем нашим будут летать незримо, благословляя нас, светлые ангелы Божии (так не раз прочила мне мать моя, убеждая меня хранить целомудрие) (IV, 565).

Благочестивость Одиссея в отношении брака особо подчеркнута писателем. Интересную параллель высказыванию Одиссея мы находим в воспоминаниях Леонтьева об архимандрите Макарии (Сушкине) Свято-Пантелеймонова монастыря («Руссика»):

Мать его (архимандрита Макария. — Д. К.) любила беседовать с ним о духовных предметах и часто горячо увещевала его оберегать себя до брака от плотских страстей. «Когда жених и невеста оба вступают в брак девственниками — ангелы Божии радуются на небесах и невидимо летают над брачным ложем их» (VII(1), 749).

Леонтьев полагал, что архимандрит Макарий под руководством иеросхимонаха Иеронима возрождал в «Руссике» православие истинно христианское, «дедовское», «несентиментальное» (VII, 754), то есть византийское. Включение в речь Одиссея почти дословной цитаты из воспоминаний старца Макария означает, по крайней мере, то, что византийский идеал устройства афонского Свято-Пантелеимонова монастыря укоренен в новогреческом патриархальном обществе.

О событиях 1829 г., а именно вступлении русских войск в Адрианополь, Одиссей узнает из рассказа старика Стилова. Помнит Одиссей на протяжении многих лет и красочную деталь рассказа — вступление русских войск в сознании греческого простого народа ассоциировалось с Пасхой:

«Добрый день, святой отче!» — «Что ты! — воскликнул наш епископ. — Что ты? Так ли ты знаменуешь великую зарю нашей свободы!.. Христос воскресе скажи!» <...> И мы все ему вторили «Воистину, воистину воскресе, отче святыи, хорошо ты сказал! Воистину Господь наш воскресе! И Православию ныне праздник праздников и торжество из торжеств!» (IV, 49).

Последняя строчка — цитата из канона св. Иоанна Дамаскина на Св. Пасху (ирмос 8 песни). Преосвященный Филарет в своей книге «Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви» дает следующую характеристику пасхальному канону св. Иоанна Дамаскина: «После пасхальной службы... с образцом творчества человеческого нельзя найти более полной чувствованиями, столько же живыми, сколько и высокими, восторгами святыми и истинно неземными. Пасхальная служба — торжество неба и земли» [7, 68].

Византийская симфония, глубоко понятая К. Н. Леонтьевым, в этом отрывке воспоминаний Одиссея маркируется с помощью совмещения времени исторического с реальной конкретикой. Бахтин, характеризуя время и пространство творческого мира Гете, указывал на то, что «историческое время должно быть творческим, должно быть действенным в настоящем», то есть прошлое время должно определять настоящее» [1, 214]. Именно этим, по мысли М. М. Бахтина, достигается полнота времени. Время в пространстве романа

«Одиссей Полихрониадес» на первый взгляд кажется именно таким — действенным, наполненным событиями. С другой стороны, автор совсем не случайно расставляет изящные акценты, связанные с византийскими литературными источниками, которые используются в богослужении. Время историческое переходит во время обрядовое, время богослужения в храме. Причем, если пасхальный архетип, выделенный В. Н. Захаровым [6, 37—50] и И. А. Есауловым [5], имеет выход в перспективу мирового универсума, действительно соединяя земное и небесное, то время в романе Леонтьева замыкается в самом себе, образуя к тому же опасную вообще для христианского мировоззрения цикличность.

Консул Благов появляется после долгого отсутствия в Янине как раз во время утренней службы на Крещение. Парадоксально, но и здесь Благов появляется очень вовремя — французский консул оскорбил сотрудника русского посольства, Благов является отомстить. Значение этому событию придают и простые греки: дело идет о консулах, представителях держав. Автор в этом отрывке не использует каких-то определенных цитат из уставного чтения. Однако мечта о возможной речи, с которой Благов мог бы обратиться к православным христианам после службы, перемежается в воображении юноши грека цитатами из Священного Писания и великой ектении:

Православные христиане, возлюбленные единоверцы мои! Знаменитые эллины, потомки Леонидов, Калликратидов и Пелопидов! <...> Православие не будет попрано <...> не будет попрано иезуитскими и дерзостными агентами Запада! <...> И побои достойного сына моего драгомана, который так сладкогласно поет **во храме сем** <...> будут жестоко отмщены... Я сотру главу агарянам!.. (IV, 331).

Ектения — это неизменяющаяся молитва, которая читается или поется за каждой службой. По сведениям дьякона М. Желтова, ектения вошла в чин литургии уже во втором веке⁵. Одно из прошений Великой Ектении, в которое входит вышепротитованное «во храме сем» звучит так: «О святом храме сем, и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в онь, Господу помолимся». Здесь важно

отметить несколько моментов. Во-первых, по контексту мы понимаем, что Одиссею необходимо подчеркнуть сплоченность единоверцев перед лицом общего неприятеля — французского консула Бреше, исповедующего католичество. Во-вторых, данное прошение вводит значимую для Леонтьева тему страха Божьего. Интересно, что данная тема никак не развернута автором дальше. В этом можно усмотреть некоторую декларативность, проявление идеологической программы Леонтьева.

Еще один момент касается места действия. Из всего прошения выделена первая часть, где говорится о «святом храме». Пространство акцентируется совсем не случайно. Появление Благова прописано очень тщательно: какое место он занял в церкви, как подошел к антидору и др. Литургическая эстетика сама по себе как бы служит фоном для эффектного появления русского консула. Смещается перспектива, смысловой центр переносится с богослужения на человеческую фигуру консула, приехавшего бороться с врагами.

Роман «Одиссей Полихрониадес» наполнен самыми разнообразными персонажами. Понятно, что не все они равноценны для автора. Однако даже среди эпизодических персонажей появляются такие герои, которые оставляют значительный след в сюжете романа. Один из таких героев — молодой афинский грек-прогрессист Вамвакос, с которым Одиссей сталкивается в Янине в доме архонта Исаакидеса. Впечатления Одиссея от этого героя неоднозначны:

Итак, нельзя не согласиться, что речи Вамвакоса были и разнообразны и полны полезных сведений. Все это: Всенаучница аттическая, платье, язык Фукидида и Иоанна Златоуста <...> свободолюбие <...> это все хорошо...

Но я не мог решить наверное, хорошо ли, что головка его мне казалась уж очень мала, а бакенбарды велики... (IV, 498).

Обратим внимание на высказывание о языке «Фукидида и Иоанна Златоуста». Леонтьев относил Иоанна Златоуста к числу самых любимых святителей Церкви. В «Письмах с Афона» Леонтьев писал о чтении Иоанна Златоуста на Святой Горе, выделяя его из ряда других Отцов Церкви:

На столе моем рядом лежат Прудон и Пророк Давид, Байрон и Златоуст; — Иоанн Дамаскин и Гете; — Хомяков и Герцен (VII(1), 132).

Можно предположить, что выбор именно этого учителя не случаен. Дар риторика отмечал у Иоанна Златоуста Г. В. Флоровский [10, 209—211]. Иоанн Златоуст подчеркивал значение слова: «Я гоню не делом, но словом...» [10, 210].

К. Н. Леонтьев очень хорошо относился к грекам во всем, что касалось их патриархального быта, но их стремление следовать за Западом он решительно отвергал⁶. Вамвакос олицетворяет именно такой греческий типаж. В эпизоде с этим героем автор выражает свое негативное отношение к проявлению либерализма. Одиссей выказывает свое сомнение относительно взглядов прогрессивного грека через описание *внешности героя*. Отказ от византийского наследия, которое, в частности, представляет Иоанн Златоуст, ведет к появлению греков типа Вамвакоса. Это — идейная программа писателя. Как видим, отсылка к языку Златоуста маркирует авторскую позицию.

Р. Г. Назиров, исследуя цитатный план романа «Преступление и наказание», отмечает путь усваивания цитаты в творческом пространстве Достоевского: «...Достоевский не признает абстрактной этики, он верит в глубинную взаимосвязь всех поступков и даже внутренних побуждений, а посему заменяет старого мандарина (образ из «Отца Горио». — Д. К.) Аленой Ивановной... Она отвратительна, но конкретна — живое существо, а не абстракция» [8, 89]. В случае с Вамвакосом и Одиссеем все наоборот. Образ Вамвакоса жизненный, но не живой. Появляется он в романе всего лишь один раз, чтобы своим обликом произвести суд над современными Леонтьеву греками. Никакой художественной трансформации не происходит. Акцентируя язык Иоанна Златоуста (формула *несмотря на*), автор вновь возвращает читателя к обрядовой стороне византийского церемониала, византийской торжественности.

Греческий мир монолитен и иерархичен в произведении Леонтьева. Его голос часто сливается с точками зрения автора и героя-повествователя Одиссея Полихрониадеса.

Одиссей, рассказывая о том, как он впервые рассердился на Благова, дает оценку своей юношеской реакции:

«Возлюби ближнего твоего, но возненавидь грехи его!» — учит нас Церковь. Я же на него самого пылал гневом... (IV; 588).

В этом месте Леонтьев использует цитату из 57-го Слова св. Исаака Сирина, которого писатель особенно выделял среди прочих учителей-аскетов. Творения этого учителя Церкви, а именно книга «Слова духовно-подвижнические, переведенные старцем Паисием Величковским» (М., 1854), входили в число самых любимых [9, 270]. По формальному признаку (дословное цитирование с указанием на источник) можно определить, что перед нами — цитата. В предыдущих случаях мы сталкиваемся с аллюзией, реминисценцией, то есть с попыткой художественно трансформировать «чужой» источник.

Цитация Слова св. Исаака Сирина расставляет важные акценты. Одиссей — это персонаж, который является выражением греческого патриархального начала. Греки дороги Леонтьеву как преемники всего византийского. Благов олицетворяет другую леонтьевскую идею «сложности в единстве». Она связана с авторским пониманием непрерывной «пышности» форм жизни, постоянной «духовной брани».

Весь мир романа «Одиссей Полихрониадес» выражает идею прекрасного, в понимании Леонтьева, мира. Этот мир так нравился Леонтьеву по нескольким причинам. Мир христиан в Турции — это наглядная иллюстрация всех тех идей, которые волновали Леонтьева на протяжении всей жизни. Отметим особенно: это были именно идеи.

По аналогии вспоминается тоже связанное с юго-восточным миром видение Раскольниковым оазиса среди песков и ручья, из которого он пьет чистую воду. Р. Г. Назиров, комментируя эту картину, замечает, что сюжетная функция видения двойка — «оазис и ручей, по контрасту с вонью Петербурга, дают ощущение того, как жаждет Раскольников чистой жизни» [8, 94]. Причем этот эпизод органично встраивается в художественный мир романа. У Леонтьева, давнего соперника Достоевского, греческий мир также становится символом его новой жизни. Причем Леонтьев даже создал «Учение о семи столпах Новой Восточной культуры». Византийские

и афонские жизнеустроительные программы положены в основу данного учения [9, 21—135]. Роман «Одиссей Полихрониадес», появившийся много раньше нового учения, реализует художественно идеи будущей Новой Восточной культуры Леонтьева.

Византийский цитатный план помогает раскрыть механизм воплощения идей в художественном пространстве романа.

Примечания

- * Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.
- ¹ «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим, еще старым и грубым в начале, славянским материалом». Византизм, как полагал консервативный мыслитель, «в государстве значит — самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей, от расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено германским феодализмом...» (Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. VII (1). С. 330—331).
- ² Цитаты приводятся по изданию: Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2002. Номер тома и страницы указывается в круглых скобках после цитаты.
- ³ О Типиконе Свято-Пантелеймонова монастыря 1841 г. см.: [4; 559].
- ⁴ Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. IV. С. 134—135.
- ⁵ Там же. С. 248—25.
- ⁶ См. статьи К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство», «Панславизм и греки», «Еще о Греко-болгарской распре», «Русские греки и юго-славяне» и др.

Список литературы

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. *Бердяев Н. А.* Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К. Н. Леонтьев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 2. С. 29—180.

3. *Диаковский Е. П.* Последование часов и изобразительных. Историческое исследование. Киев: Тип. Т. Г. Мейнандра, 1913 г. 303 с.
4. *Дмитриевский А. А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Түлкá. Петроград: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1917. Т. III. 770 с.
5. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004. 560 с.
6. *Захаров В. Н.* Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты изучения Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 37—50.
7. *Игнатия, монахиня.* Преподобный Иоанн Дамаскин в его церковном гимнографическом творчестве // Богословские труды. 1982. № 23. С. 59—93.
8. *Назирова Р. Г.* Реминисценция и парафраз в «Преступлении и наказании» // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 88—96.
9. *Фетисенко О. Л.* Гептастилисты. Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX века — первой четверти XX века). СПб.: Пушкинский дом, 2012. 784 с.
10. *Флоровский Г. В.* Восточные отцы IV века. 2-е изд. М.: Паломник, 1992. 260 с.

Daria Sergeevna Kunil'skaya

*a First-Year Student of the Master's Degree Program,
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
dkunil'skaya@yandex.ru*

LITERARY BYZANTISM IN KONSTANTIN LEONTYEV'S NOVEL *ODYSSEUS OF POLIHRONIADES*

Abstract: The article deals with Byzantine quotes in Konstantin Leontyev's novel *Odysseus of Polihroniades*. The author regarded this novel to be the best of all his works. The Byzantine influence was discovered through analyzing the Athos regular readings including the typicon of the St. Panteleimon Monastery, where Konstantin Leontyev spent 18 months. It is emphasized that the text of the novel contains some of the Athos. The paper analyzes the topic of time recurrence, developed in the novel, which is different from the Christian conception of linear time. The article examines both the sacred text of regular readings and the quotes and reminiscences connected with the names of St. John Chrysostom and St. Isaac the Syrian. The article concludes that some elements of Leontyev's future

Doctrine of a New Eastern Culture are presented in his novel *Odysseus of Polihroniades*. The Byzantine quotes, therefore, help to understand the mechanism of the authors' ideas implementation in the novel.

Keywords: Konstantin Leontyev, *Odysseus of Polihroniades*, Byzantium, Athos

References

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*The Aesthetics of Literary Work*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p.
2. Berdyaev N. A. Konstantin Leont'ev (Ocherk iz istorii russkoy religioznoy mysli) [Konstantin Leontyev (The Essay on the History of Russian Religious Conception)]. *K. N. Leont'ev: pro et contra* [*K. N. Leont'ev: pro et contra*]. Saint-Petersburg, RCHI Publ., 1995, book 2, pp. 29–180.
3. Diakovskiy E. P. *Posledovanie chasov i izobrazitel'nykh. Istoricheskoe issledovanie* [*Historical Research of the Sequence of Canonical Hours and Typical Psalms*]. Kiev, T. G. Meynandr's Publ., 1913. 303 p.
4. Dmitrievskiy A. A. *Opisanie liturgicheskikh rukopisey, khraryashchikhsya v bibliotekakh Pravoslavnogo Vostoka. Tipika* [*Description of Liturgical Manuscripts in the Libraries of the Orthodox East*]. Petrograd, V. R Kirshbaum's Publ., 1917, vol. 3. 770 p.
5. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [*Easter colours in Russian philology*]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p.
6. Zakharov V. N. Simvolika khristianskogo kalendarya v proizvedeniyakh Dostoevskogo [The symbolism of Christian calendar in Fyodor Dostoevsky's works]. *Novye aspekty izucheniya Dostoevskogo* [*New Aspects of Dostoevsky Studies*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 37–50.
7. Ignatiya, nun. Prepodobnyy Ioann Damaskin v ego tserkovnom gimnograficheskom tvorchestve [St. John of Damascus in his canon hymnographic works]. *Bogoslovskie trudy* [*Theological Works*], 1982, no. 23, pp. 59–93.
8. Nazirov R. G. Reministsentsiya i parafraz v «Prestuplenii i nakazanii» [Reminiscences and a paraphrase in the novel “Crime and Punishment”]. *Dostoevsky. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 2, pp. 88–96.
9. Fetisenko O. L. *Geptastilisty. Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki* [*Masters of literary heptastyle. Konstantin Leontyev, his collocutors and disciples*]. Saint-Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2012. 784 p.
10. Florovskiy G. V. *Vostochnye ottsy IV veka* [*The Eastern Fathers of the 4th Century*]. Moscow, Palomnik Publ., 1992. 260 p.